

ЛАРИСА ДЕРИГЛАЗОВА

АСИММЕТРИЧНЫЙ КОНФЛИКТ В СОВРЕМЕННОЙ АМЕРИКАНСКОЙ ПОЛИТОЛОГИИ

Обращение к проблеме асимметричного конфликта в американской историографии было вызвано многочисленностью публикаций по этой теме, с одной стороны, и особым вниманием, которое уделяют проблеме военные и аналитики – с другой. Термин «асимметричный» вошел в доктринальные документы американских вооруженных сил в середине 1990-х годов. Его используют для характеристики вооруженных конфликтов высокопоставленные чиновники, включая министров обороны (У. Коэн, Д. Рамсфелд, Р. Гейтс), что свидетельствует о достаточной степени принятия концепции. Американская политическая наука чутко реагирует на новации и аккумулирует достижения аналитиков из разных стран, многие из которых работают или получали высшее образование в США. Важно учитывать и прагматическую направленность американской политической науки, которая включена в процесс выработки внешнеполитического и военно-стратегического курса страны. В статье сделана попытка выявить содержание и применение концепции асимметричного конфликта в американской историографии в последние 10–15 лет, когда интерес к этой теме заметно возрос.

1

Термин «асимметричный конфликт» был введен в научный оборот ученым-международником Эндрю Макком, который в 1975 г. опубликовал статью «Почему великие державы проигрывают малые войны: политика асимметричного конфликта». Исследование Э. Макка было поддержано Британским советом по исследованиям в области социальных наук, а также фондом Рокфеллера в 1974 г. для «анализа нескольких асимметричных международных конфликтов, в которых сторонние державы сталкиваются с местными повстанцами»¹. В основном Э. Макк анализировал войну США во Вьетнаме. Однако он также указал на серию других поражений развитых стран, которые соответствовали предложенной концепции: Индокитай, Индонезия, Алжир, Кипр, Аден, Марокко, Тунис. По словам Макка, «местные националистические силы достигли целей борьбы в вооруженной конфронтации с индустриальными державами, которые обладали подавляющим превосходством в традиционной военной силе»². Э. Макк писал, что асимметричные конфликты опровергли опыт властвования великих держав в третьем мире, причем этот опыт нельзя сводить только к колониальному господству и его сверже-

нию. Эти конфликты показали ошибочность упрощенного понимания силы и способности достичь победы через преобладание в силовых возможностях. *Хотя в большинстве таких конфликтов сильные страны не потерпели военного поражения, они потерпели поражение в политическом смысле, не сумев навязать свою волю противнику.* Таким образом, главный смысл применения силы для достижения целей, а вместе с ним и рациональная причина начала войны были потеряны. В каждом случае асимметричного конфликта победа слабой стороны обеспечивалась не ее способностью нанести военное поражение сильному противнику (что было нереальным ожиданием), а ее способностью истощить волю к продолжению борьбы со стороны превосходящего по военно-силовым параметрам противника и заставить последнего прекратить войну, не достигнув поставленных целей. Причем в таких асимметричных конфликтах повстанцы могли добиться политической победы даже в случае отступления и военного поражения³.

Статья Макка является сосредоточением гипотез о причинах парадоксального поражения великих держав, хотя сам автор характеризовал их как «пред-теоретические предположения». Он отмечал, что поражение великих держав было обусловлено (1) потерей политической воли к продолжению войны, (2) комплексом асимметричных отношений между противниками, определяемых, в частности, логикой тотальной войны для слабой стороны и ограниченной войны для сильной стороны, (3) применением асимметричных стратегий борьбы /партизанская война/; (4) влиянием невоенных факторов /внутриполитические, социальные, международные/. Следуя аргументам Э. Макка, *суть асимметричного конфликта можно определить как политическое поражение великой державы в войне против завидомо более слабого противника, когда превосходство в военной силе не гарантирует победу и при определенных условиях может быть даже контрпродуктивным.*

Несомненной заслугой Э. Макка является то, что он объединил разрозненные факты в единую концептуальную модель и предложил емкое и точное определение феномена асимметричного конфликта. Он применил термин «асимметричный» для анализа структурных и динамических элементов конфликта (ресурсы, статусы, интересы, способность к мобилизации, стратегии борьбы, результаты конфликта), что позволило, вслед за констатацией количественных несоразмерностей, подчеркнуть качественные изменения в конфликте. В то же время Э. Макк указывал на необходимость восприятия концепции в рамках холистского (целостного) подхода и использовал в аргументации аксиому Аристотеля: «Асимметрии, описанные в работе, – в интересах сторон, в мобилизации, в потенциале военного вторжения, в “ресурсах силы” и так далее – были абстрагированы от контекста ради аналитической ясности. Однако целое остается большим, чем сумма его частей, и необходимо изучать конфликт как единое целое, для того чтобы понять его эволюцию и итоги»⁴. В самом названии статьи содержались ключевые слова, которые использовали последователи Макка: *малые войны* великих держав, и как великие державы *проигрывают* малые войны. Интересно, что после публикации статьи, положившей начало разработке концепции асимметричного конфликта, не было обнаружено других научных работ этого автора в развитие намеченной им идеи.

Э. Макк представляет собой любопытный пример сочетания самого разнообразного жизненного опыта. Автор успел послужить в военно-воздушных силах Австралии, поработать метеорологом в Антарктиде и инженером на алмазных приисках в Сьерра-Леоне. Позже Макк учился в университете Эссекса, работал в Копенгагенском институте изучения проблем мира и конфликта, в Лондонской школе экономики и международных отношений, был выпускающим редактором программ «Би-Би-Си», исполнял обязанности научного директора Института Ричардсона по изучению проблем конфликта и мира в Лон-

доне, преподавал в ведущих университетах США и Японии. В 1998–2001 годах Макк работал директором отдела стратегического планирования аппарата Генерального секретаря ООН К. Аннана, затем возглавил Центр по проблеме безопасности личности в университете Британской Колумбии в Канаде. 20 января 2010 г. Э. Макк представил в ООН очередной «Доклад по проблеме безопасности личности», подготовленный центром. Некоторые выводы доклада опровергают распространенные представления о динамике современных вооруженных конфликтов, количестве жертв и результатах миротворчества⁵.

До 1990-х годов концепция асимметричного конфликта не имела особой популярности, хотя проблемы, к которым обращался Макк в своей статье, привлекали внимание других исследователей: источники силы и влияния в международных отношениях, невоенные факторы победы и поражения. Важной составляющей этих дискуссий было обсуждение изменения характера военных действий – переход от прямого военно-силового противоборства (обычные или конвенциональные военные действия) к непрямым формам борьбы (партизанские стратегии, участие гражданского населения, диверсионно-террористические войны) и распространение малых войн с участием великих держав на периферии мировой системы в противовес большим войнам между великими державами (конфликты низкой интенсивности, ограниченные войны, локальные войны, антиповстанческие и миротворческие операции). *Можно утверждать, что феномен асимметричного конфликта как случаи парадоксального поражения великих держав против несоизмеримо более слабых противников рассматривали многие ученые. По разным причинам они могли и не использовать концепцию Э. Макка.* Однако в данной статье, внимание сфокусировано на тех работах, где подобные исторические курьезы рассматривались именно с применением названной концепции.

Дальнейшее развитие концепции асимметричного конфликта происходило через

разработку гипотез, высказанных Макком, либо через переосмысление существующих представлений о международных отношениях с учетом высказанных предположений. Можно выделить два основных направления анализа: изучение феномена асимметричного конфликта как *тактико-стратегического* или *социально-политического* явления. В первом случае акцент делается на стратегиях ведения военных действий, которые могут обусловить победу или поражение. При втором подходе война рассматривается как явление, подчиненное политике. В этом смысле большее внимание уделяется процессу формирования внешней политики развитых стран, участие общества в принятии внешнеполитических решений, информационной составляющей войн, международным, внутриполитическим и экономическим факторам. Все авторы, которые используют концепцию асимметричного конфликта, так или иначе ссылаются на статью Э. Макка как на пионерскую работу.

2

В 1990-х годах концепция асимметричного конфликта стала популярной в американском *военно-стратегическом* анализе ввиду явного силового превосходства США после окончания «холодной войны» и исчезновения реальной возможности военного конфликта по *симметричному* сценарию, то есть против соизмеримого по своему военному потенциалу противника. Концепция асимметричности как нельзя лучше отвечала потребностям осмысления положения США в новом мире и оценки возможных угроз. Роберт Кассиди, майор ВС США, получивший докторскую степень по проблемам международной безопасности, писал, что термин «асимметричный» стал обиходным (*terme de jour*) с середины 1990-х годов⁶. Роберт Скейлс, ректор Военного колледжа ВС США Карлсли, также замечал, что «асимметричные военные действия» стали модным выражением (*buzzword*) в Пентагоне в 1990-х⁷. Можно выделить несколько устойчивых выражений, смысл которых зафиксирован в воен-

ных доктринальных документах. Важно, что содержание этих терминов менялось вслед за изменением ситуации в мире.

В начале 1990-х годов термин «асимметричный» использовали для характеристики стратегий ВС США, которые предусматривали использование преимуществ совместных действий нескольких родов войск для нанесения сокрушительного удара по противнику. Другая интерпретация подразумевала такие военные операции, где противники применяют разные рода войск⁸. Термин был употреблен в Совместной доктрине США и Национальной военной стратегии в 1995 году.

В дальнейшем определение термина было дано в «Энциклопедии совместной доктрины» 1997 года, изданной под грифом Объединенного комитета начальников штабов войск: «Асимметричные операции и атаки позволяют показать превосходство в силе совместных действий разных родов войск против уязвимости противника и мобильность во времени и пространстве, что может обеспечить решающее превосходство»⁹. В «Совместной доктрине подрывных операций» (1997) под симметричными действиями понималась борьба между подобными родами войск (наземные силы против наземных); под асимметричными — борьба с использованием различных родов войск (авиация против наземных сил). Отмечалось, что «асимметричные действия могут быть высокоэффективными, если они позволяют поразить противника неожиданно и по наиболее уязвимым позициям». В качестве примера приводилась операция союзных войск в Нормандии весной 1944 г. по нанесению воздушных бомбовых ударов по коммуникациям немецких войск, которая предвляла открытие второго фронта в Европе¹⁰. Такая трактовка термина «асимметричный» является, скорее, традиционной в стратегическом анализе. Она же принята в отечественной аналитике¹¹. В русле такой трактовки акцент делается на выборе эффективной стратегии борьбы, которая позволяет добиться максимального успеха при минимальных за-

тратах и потерях. Сутью асимметричной стратегии является нахождение нетипичных решений для борьбы с противником и нивелирование его преимуществ в определенных видах вооружений или стратегическом положении.

Постепенно происходит смещение акцентов в интерпретации терминов, что отразилось в появлении устойчивого выражения «асимметричные угрозы». В докладе министра обороны У. Коэна, опубликованном в 1997 году, говорилось, что «превосходство США в конвенциональной военной области может подталкивать противников к применению *асимметричных* средств нападения... Они, скорее всего, будут стремиться к достижению превосходства над США, используя неконвенциональные подходы для того, чтобы опрокинуть или подорвать нашу силу и воспользоваться нашей уязвимостью. Стратегически агрессор может стремиться избегать прямой военной конфронтации с США и вместо этого использовать такие средства, как терроризм, угроза применения бактериологического, ядерного или химического оружия, информационная война или экологические диверсии. Если противнику придется вступить в обычную войну с США, он может применять *асимметричные* средства борьбы, чтобы помешать доступу США к важнейшим ресурсам: затруднять руководство операциями, контролем, связью и разведывательной сетью, удерживать наших союзников или потенциальных партнеров по коалиции от поддержки военных действий США или причинять больший, чем ожидалось урон живой силе США с тем, чтобы ослабить нашу решимость»¹². Этот доклад стал широко цитироваться, и в последующих документах определение асимметричных стратегий борьбы, которые могут использовать противники США, почти дословно воспроизводило интерпретацию, содержащуюся в докладе У. Коэна. В «Обзоре совместной стратегии» 1999 г. «асимметрия» определялась как «попытка подорвать или опрокинуть силу США посредством обращения к сла-

бости США, используя методы, значительно отличающиеся от тех методов действия, которые ожидают США»¹³. В докладе министра обороны Р. Гейтса (февраль 2010) понятие «асимметричный» использовано в этом же смысле¹⁴. Термин «асимметричный» стал применяться для характеристики стратегий и тактик борьбы, которые выбирают противники США, уступающие им в военно-силовых возможностях. При таком подходе «асимметричный» является антонимом понятий «конвенциональный», «обычный», «традиционный» в определении угроз, атак и военных действий.

Проблема асимметричных угроз, стратегий и военных действий активно разрабатывается исследовательскими центрами при высших военных учебных учреждениях США¹⁵ и на страницах профессиональных журналов¹⁶. Одна из первых работ в этой серии, «Бросая вызов США симметрично и асимметрично: можно ли победить США?» была опубликована в 1998 году. В монографии рассматривались вопросы военно-технологического превосходства США и изменения характера военных действий, проблемы терроризма, информационных войн и возможности ведения асимметричных войн¹⁷. В докладе «Асимметрия и военная стратегия США: определения, происхождение и стратегические концепции», подготовленном в Институте стратегических исследований, обозначены два вида асимметрий — *позитивная и негативная*. Под позитивной асимметрией понимают использование стратегических преимуществ ВС США, а под негативной — ситуации, когда противники США направляют свои удары против уязвимых, слабых точек США. Как совершенно справедливо отмечено в докладе, в таких трактовках нет ничего нового с точки зрения военного искусства, просто термин «асимметричный» ранее не использовался для описания таких ситуаций¹⁸.

Начало Соединенными Штатами Америки войны против террора закономерно усилило интерес военных аналитиков к войнам с асимметричными противника-

ми. Если в конце 1990-х годов разработки носили прогностический характер, то реалии двух войн — в Афганистане и Ираке — заставили уделить более пристальное внимание истории асимметричных конфликтов. В 2003 г. была опубликована монография Р. Кассиди «Россия в Афганистане и Чечне: Военная стратегическая культура и парадоксы асимметричного конфликта», в которой он рассмотрел проблему поражения СССР/России с позиций подхода, намеченного Э. Макком. Кассиди полагал, что главная причина поражения СССР заключалась в отставании стратегической культуры, ее несоответствии реалиям современного мира. Анахронизмом стратегической культуры выступает, по мнению Кассиди, стратегия «большой войны», характерная для великих держав, которая подразумевает борьбу по симметричному сценарию против равного противника в большой войне¹⁹.

Термин «асимметричный» стал ключевым для характеристики *нерегулярных военных действий* (irregular warfare), под которыми понимают «насильственную борьбу между государством и негосударственными игроками за власть и влияние на соответствующее население»²⁰. Важно отметить, что здесь зафиксировано смещение в определении *участников военных действий* (государство и негосударственные игроки) и *целей военных действий* (от нанесения военного поражения противнику к завоеванию доверия местного гражданского населения, интересы которого стремятся защитить противники). В британской военной литературе по антиповстанческим операциям еще в 1960-х годах эта стратегия получила название «завоевание умов и сердец» (winning hearts and minds)²¹ и до сих пор широко используется в современной военной аналитике многих стран.

В 2004 г. был издан сборник эссе «Нация в войне в эру стратегических перемен», посвященный проблеме участия США в войне с террором, в названии которого использованы слова президента Дж. Буша-мл. о военных кампаниях в Афганистане и Ираке. В предисловии говорилось,

что «американские военные должны рассматривать проблему ведения войны более комплексно на уровне планирования операций (холистский подход)». Редактор сборника Уильямсон Мюррей повторял идею о рационализации применения военной силы, которая была сформулирована в XIX веке, в частности, К. фон Клаузевицем. Мюррей писал: «Поскольку война является поражением вооруженным силам противника в боевых операциях представляет собой лишь часть гораздо большей мозаики, которая должна включать не только стадию планирования операции, но также и стадию перехода от войны к миру. Именно это американцы открывают для себя в Ираке и Афганистане, когда последняя стадия (переход от войны к миру. — Л.Д.) представляет собой такой же важный компонент операционного искусства, как и прямые военные действия для достижения политических целей, ради которых США ведут войну. И эти политические цели являются единственной приемлемой причиной, ради которой вооруженные силы США будут вступать в войну»²².

Американская военная аналитика прошла путь от трактовки асимметрии в традиционном для стратегического анализа ключе как нахождение эффективного нетождественного ответа на вызовы традиционных противников к выявлению отдельных асимметричных элементов вооруженных конфликтов против более слабых или негосударственных игроков (асимметричные вызовы/военные действия) и, наконец, к принятию всей совокупности факторов асимметричного конфликта как особого типа вооруженных столкновений, в котором важно не только и не столько одержать военную победу, сколько завоевать поддержку населения территории, на которой идут военные действия. Таким образом, в американском военно-стратегическом анализе закрепились холистское толкование асимметричности в соответствии с первоначальной трактовкой Э. Макка. Термин «асимметричный» также активно исполь-

зуется военными и учеными Израиля, Австралии²³ и Великобритании²⁴. Проводятся совместные семинары и конференции, на которых военные из разных стран обсуждаются эти проблемы²⁵.

Э

В 1990-х годах в США были опубликованы исследования, в которых «асимметричный конфликт» стал выделяться в самостоятельную понятийную категорию. В отличие от военных аналитиков, представители гуманитарных дисциплин более широко трактовали понятие асимметрии, а сам термин «асимметричный» относили не только к военным ситуациям. В 2001 г. британский экономист Майкл Спенс и два американских ученых — Джордж Акерлоф и Джозеф Стиглиц получили Нобелевскую премию по экономике за разработку теории рынков с асимметричной информацией²⁶. В работах 2000-х годов предпринимались попытки выработать общенаучный подход к применению понятия «асимметрия»²⁷. С одной стороны, это подразумевало обращение ко всему комплексу асимметричных отношений в социальных взаимодействиях, с другой — не могло не создавать терминологических затруднений и желания более четко зафиксировать смысл предлагаемых терминов.

Для политологов, юристов, социологов понятия симметрии и асимметрии связаны с характером взаимоотношений субъектов в определенной системе — общественной, политической, правовой²⁸. Это предполагает выделение асимметрии как сущностной характеристики отношений между участниками взаимодействия в противопоставлении: равные / подчиненные, горизонтальные / вертикальные, плюралистические / иерархические. При таком подходе борьба инициируется, как правило, подчиненной стороной с целью изменения ситуации и достижения симметрии/равенства, а действия доминирующей стороны направлены на восстановление «порядка» и сохранения статусной асимметрии/иерархии. Можно выделить несколько типических подходов в приме-

нении понятия «асимметричный» при анализе конфликтов:

- как неравенство сил и ресурсов сторон конфликта, когда каждая сторона выбирает наиболее эффективную стратегию поведения, исходя из имеющихся возможностей (традиционный подход),

- как ситуацию, в которой доминирующей в силе противник терпит политическое поражение в войне против слабого антагониста (парадоксальный подход),

- как столкновение интересов разно-статусных противников в рамках одной правовой системы (политико-правовой подход),

- как характеристику тактик и стратегий борьбы, нарушающих логику обычных, ожидаемых военных действий (тактико-стратегический подход).

Общим моментом для всех названных случаев является несоразмерность потенциалов и статусов антагонистов, причем система может представлять собой как государство, так и систему международных отношений с существующей в ней иерархией сил и возможностей разных государств.

В рамках традиционного понимания асимметричного конфликта политологи обращают внимание на случаи агрессивного поведения слабых стран. Именно в таком ключе использовал данный термин политолог индийского происхождения Т.В. Паул, возглавляющий сейчас Центр по изучению проблем международного мира и безопасности в университете Мак-Гилла в Канаде. В своей монографии «Асимметричные конфликты: войны, инициируемые слабыми державами», он анализировал факторы, которые могут объяснить подобное нелогичное поведение слабых государств. Паул рассмотрел русско-японскую войну 1904–1905 годов, атаку Японии на Перл Харбор в 1941 году, начало войны в Корее (1950–1953), нападение Пакистана на Кашмир в 1965 году, захват Египтом Синайского полуострова в 1973 г. и вторжение Аргентины на Фолклендские острова в 1982 году. Согласно логике автора, изучение асимметричных войн должно показать, почему простое

превосходство в силе и ресурсах не является достаточным сдерживающим фактором для предотвращения агрессии со стороны слабого противника. Паул подчеркивает, что изучение таких случаев должно включать анализ внутривнутриполитических и международных факторов, которые оказывают решающее влияние на поведение слабой стороны. Ученый выделил четыре условия, при которых может возникнуть асимметричная война: (1) наличие серьезного конфликта интересов, (2) более высокая ценность предмета конфликта для слабой стороны, (3) неудовлетворенность слабой стороны положением статус-кво, (4) боязнь слабой стороны значительного ухудшения своего положения от сохранения статус-кво в будущем. В качестве переменных, которые определяют агрессивное поведение слабой стороны, Паул выделил, *во-первых*, политико-военную стратегию, под которой он понимает наличие ограниченных целей в краткосрочной войне без цели нанесения сокрушительного поражения сильному противнику, *во-вторых*, наличие систем наступательных вооружений, *в-третьих*, поддержка со стороны великой державы, *в-четвертых*, изменение системы власти внутри страны²⁹. В конце исследования Паул делает вывод, что наиболее важными являются стратегия на достижение ограниченных целей и поддержка со стороны великой державы. Он также отмечает, что история демонстрирует случаи, когда слабый контрагент осознает неизбежность своего военного поражения, однако надеется на политический выигрыш, следуя аксиоме: «Можно проиграть сражение, но выиграть войну». Как пишет Паул, «для некоторых государств перспектива ограниченного поражения лучше, чем сохранение статус-кво»³⁰. Быстротечная война между Грузией и Южной Осетией, в защиту которой выступила Россия, в августе 2008 года, пожалуй, наилучшим образом подтверждает тезисы Т.В. Паула о логике асимметричных войн. В недавних работах Т.В. Паул стал применять концепцию асимметрии для анализа конфликтов между Индией и Пакистаном³¹.

Американский политолог Майкл Фишеркеллер в статье «Давид против Голиафа: культурные суждения в асимметричных войнах» также рассмотрел проблему агрессии слабых стран против великих держав. По его подсчетам, за период с 1816 по 1996 годы 54% всех войн с участием великих держав началось именно по этом сценарию. Главный тезис М. Фишеркеллера сводился к тому, что в рамках теории баланса сил и концепции сдерживания мощь противников измеряется количественно — через оценку их материальных ресурсов (численность войск, вооружения, военные расходы). Однако при таком подходе упускаются из виду нематериальные составляющие мотивации слабого игрока, которые будут подталкивать его к началу военных действий. Фишеркеллер полагает, что главным нематериальным двигателем агрессии слабых стран является их восприятие сильного противника как «культурно менее развитого» (*culturally inferior*)³². Аргументация опирается на анализ начала Второй мировой войны и взаимных оценок потенциалов противников странами фашистского блока и будущих союзников. Фишеркеллер формулирует два логических утверждения и следующие их них гипотезы, которые объясняют логику восприятия и выбор стратегии в асимметричных войнах.

1) Когда страна — потенциальная цель агрессии — по оценкам имеет преобладающую или одинаковую военную силу и равную по развитости культуру, то количественные замеры будут восприниматься как верные и адекватные. Следовательно, при таком подходе, страна — потенциальный агрессор предпочтет оборонительную и сдерживающую стратегию.

2) Когда страна — потенциальная цель агрессии — по оценкам имеет преобладающую или одинаковую военную силу, но менее развитую культуру, то количественные замеры будут игнорироваться либо уменьшаться, чтобы подтвердить восприятие противника как слабого. Следовательно, при таком подходе страна — потенциальный агрессор выберет наступательную или империалистическую стратегию.

Второе утверждение и гипотеза лежат в основе эмпирического анализа Фишеркеллера. В своей работе он критикует подход Т.В. Паула за то, что последний рассматривал случаи, которые не являются истинно асимметричными войнами, и не учитывал наличие поддержки великими державами слабой стороны конфликта, что делало силы противников соразмерными. Однако сам Фишеркеллер в своей работе рассматривает русско-японскую войну как асимметричную³³. Главный вывод исследования — призыв отделять субъективные оценки культуры потенциального противника как мотив агрессивного поведения слабой стороны от традиционных замеров национальной силы, включая национальный характер и мораль³⁴.

В 2003 г. была опубликована монография Гила Мерома «Как демократии проигрывают малые войны: государство, общество и поражение Франции в Алжире, Израила в Ливане, США во Вьетнаме». Мером получил университетское образование в Израиле и защитил докторскую диссертацию в Корнельском университете в США. Сейчас он совмещает преподавание в университете Тель-Авива и Сиднейском университете. В своей книге Мером использовал гипотезу, высказанную Э. Макком, о том, что одна из причин поражения великих держав заключается в неспособности демократических обществ вести такие войны. Поражение развитых стран обусловлено их самоограничением политического и морального характера. Суть аргументов Мерома заключается в необходимости учета комплексного характера отношений между обществом, государством и войной и отказом от упрощенного восприятия общества как пассивного объекта, вовлекаемого в военные действия политической и военной элитой³⁵. Мером доказывает, что современный «парадокс силы» (*power paradox*) объясняется внутренней борьбой двух сил (*forces*) в демократических странах — «государством» и частью образованного «среднего класса», который составляет основу «общества», по поводу трех аспек-

тов ведения войн — инструментального, политического и нормативного.

Указанные отношения Мером выражает в трех дилеммах: (1) как примирить ценности гуманизма, которых придерживается часть образованного среднего класса, с жестокостью ведения антиповстанческих войн; (2) как найти приемлемое для общества соотношение между жестокостью войны и готовностью нести жертвы во имя этой войны и (3) как обеспечить поддержку войне, не подрывая устоев демократического порядка³⁶. Аргументы Мерома созвучны выводам историков о причинах неудач развитых стран по конкретным историческим сюжетам и во многом совпадают с так называемыми уроками Вьетнама, о чем написано огромное количество литературы, ежегодно пополняемой новыми изданиями³⁷.

В 2001 г. была опубликована статья, а в 2005 году — монография американского политолога Айвана Аррегина-Тафта под названием «Как слабые выигрывают войны: теория асимметричного конфликта»³⁸. Аррегин-Тафт служил военным аналитиком в американских Вооруженных силах в Германии, затем получил степень бакалавра в области политических наук и русистики в университете Калифорнии и защитил диссертацию в университете Чикаго. Политолог находит достаточно оригинальный подход в рассмотрении стратегий борьбы как детерминанты успеха и предлагает теорию стратегического взаимодействия (*strategic interaction*). Он сводит разнообразные формы борьбы к двум «идеальным типам» — прямым и косвенным. Прямыми стратегиями Аррегин-Тафт называет конвенциональные или обычные военные действия, направленные против вооруженных сил антагониста и разрушение его *способности* продолжать войну. Целью косвенных стратегий является разрушение *воли* противника к продолжению борьбы. Новизна тезиса заключается в определении *варварских форм борьбы* как косвенной стратегии, характерной как для государственных, так и для негосударственных игроков. Варварские

действия определены как «намеренное или систематическое причинение вреда некомбатантам (изнасилования, убийства, пытки) с целью достижения военных или политических целей»³⁹.

Гипотеза ученого заключается в том, что в случае выбора одинаковой стратегии борьбы обеими сторонами (прямая-прямая или косвенная-косвенная) быстрая и решающая победа будет за сильным. Если же противники выберут разные стратегии, то более вероятной будет победа слабого противника. По подсчетам Аррегина-Тафта, за период с 1800 по 2003 годы сильные противники победили в 71,5% асимметричных войн. Однако разбивка двухсотлетнего периода на 50-летние фазы показывает постепенное уменьшения этой пропорции: 88,2% — в первое 50-летие и 48,4% — в последнем⁴⁰. Аррегин-Тафт тестировал свою теорию на эмпирическом материале русско-турецких войн 1830–1859 годов, бурской войны Великобритании 1899–1902 годов, войны между Италией и Эфиопией 1935–1940 годов, войны СССР в Афганистане, войны США во Вьетнаме. Кроме стратегического фактора, ученый также рассмотрел другие причины победы слабых игроков, включая те, что были предложены Э. Макком: асимметрия интересов, социально-политическая природа противников (включая тезис Г. Мерома, который Аррегин-Тафт обозначил как «социальная брезгливость демократий») и поставки оружия слабой стороне ее внешними сторонниками.

Как пишет ученый, сильная сторона, столкнувшись с косвенными стратегиями слабого противника в виде терроризма или партизанской войны, имеет в своем распоряжении три «неприятных выбора: война на истощение, которая может затянуться на десятилетия, дорогостоящий подкуп или политические уступки, возможно, принуждение к политическим и экономическим реформам репрессивных союзников и противников, или намеренное причинение вреда некомбатантам в рискованном стремлении быстро одер-

жать решающую военную победу». В своих выводах Аррегин-Тафт указывает на преимущества своей теории для выбора правильной политики и подчеркивает, что его наработки уже учитываются в американских антиповстанческих стратегиях⁴¹.

Работы Т.В. Паула, М. Фишеркеллера, Г. Мерома и А. Аррегина-Тафта входят в список наиболее часто цитируемых работ об асимметричных конфликтах наряду со статьями Э. Макка. Их объединяет попытка развить теорию асимметричного конфликта и выявить ее детерминанты. В отличие от работ военных, исследовательский вопрос политологов формулируется более узко – установление корреляций между определенными переменными и апробации гипотез на историческом материале. Чтение работ этих авторов показывает, что они хорошо знакомы с работами коллег по интересу, причем некоторые из них (Фишеркеллер и Аррегин-Тафт) критически оценивают достижения других ученых и пытаются показать преимущество собственных разработок, хотя сами, по нашему мнению, нередко передергивают аргументы в свою пользу и преуменьшают заслуги коллег.

Еще одна монография, на которую хотелось бы обратить внимание, была опубликована в 2007 году – «Американцы и асимметричный конфликт: Ливан, Сомали и Афганистан». Автор работы, Адам Б. Лотер, известный военный аналитик исследовательского института ВВС США. В начале книги автор соотносит военное искусство и концепцию асимметричного конфликта, а затем анализирует военные операции США с точки зрения концепции асимметричного конфликта. Автор полагает, что современная концепция асимметричного конфликта соответствует тем, которые имели место десятилетия, столетия и даже тысячелетия назад: «То, что ошибочно называют инновацией, является повторным открытием истрепанных идей, которые были модифицированы благодаря технологическим изобретениям». Лотер пишет о различиях в развитии военного искусства на Востоке и За-

паде, что проявилось в полярном отношении к формам борьбы. Так, на Западе предпочтение отдано прямому противоборству, а на Востоке – непрямому. Это обстоятельство, однако, не исключает проработки и применения иных форм борьбы, кроме доминирующих в данной культуре, о чем свидетельствуют тексты классиков военной стратегии⁴². Можно согласиться с утверждением Лотера о том, что многие аналитики, которые оценивают современную ситуацию как новую, не понимают «природу войны, которая мало изменилась за последние 7 тыс. лет человеческой истории. Сердцевиной войны является необходимость сокрушить волю противника продолжать борьбу. Это может быть достигнуто посредством разрушения способности противника бороться либо превышения его уровня допустимых потерь (cost tolerance)»⁴³.

Анализ конкретных случаев военных действий с участием американских вооруженных сил по асимметричному сценарию приводит автора к выводу о том, что война в Афганистане является примером «выученных уроков» и самого успешного участия США в асимметричном конфликте за всю послевоенную историю⁴⁴. Сравнительный опыт войны СССР и США в Афганистане, Лотер полагает, что он является диаметрально противоположным. В отличие от СССР, США провели военную операцию в Афганистане с минимальным присутствием своих вооруженных сил за счет преимущественного использования авиации и спецподразделений, а также опираясь на поддержку местных сил в лице Северного Альянса. Лотер полагает, что США осознали необходимость поддержки лояльных им политических сил и решения целого комплекса вопросов: возвращения беженцев, примирения враждующих племен, подготовки местных сил безопасности, помощи афганцам в проведении реформ в экономике, политике, сфере медицинского обслуживания, образовании, преодолении наследия исламистского режима в отношении женщин. Лотер подчеркивает, что успех американ-

цев в Афганистане обусловлен пониманием сути асимметричного военного конфликта как необходимости обеспечить безопасность местному населению⁴⁵.

Выводы А. Лотера были бы безупречными, если не учитывать сегодняшнее состояние дел в Афганистане и причины, по которым США выбрали совершенно другую стратегию для Ирака, что привело США на грань самого масштабного военного и политического фиаско за всю послевоенную историю. Резкое ухудшение ситуации в Афганистане в 2009 г. совпало со стремлением администрации Б. Обамы завершить войну в Ираке и привело к вынужденному увеличению численности войск в Афганистане, проведению полномасштабных военных операций, сопровождавшихся гибелью гражданских лиц, что противоречит логике успеха по Лотеру. Последнее развитие событий в Афганистане, когда администрация США согласилась на участие в мирном процессе представителей движения Талибан⁴⁶, противоречит первоначальным устремлениям американских политиков, однако совпадает с логикой урегулирования асимметричных конфликтов, изложенных в работах американских специалистов.

Один из ведущих авторов Уильям Зартман отмечает, что для внутрисударственных асимметричных конфликтов переговоры являются оптимальной стратегией разрешения противоречий. Тем не менее переговоры используются редко, а их ведение сопряжено с серьезными трудностями субъективного и объективного характера. Зартман подчеркивает, что военное поражение оппозиции в таком конфликте не является решением проблемы, а только загоняет ее в подполье, и она вновь проявится в любой благоприятный момент. Переговоры затруднены потому, что сам процесс переговоров подразумевает некое равенство сторон в статусе и правах, включая право вето, что часто само по себе и является причиной конфликта. Кроме того, стороны в таком конфликте не готовы к компромиссу, так как вопрос признания является главным вопросом.

Кроме того, существует проблема выбора представителя на переговорах в стане оппозиции, так как правительству трудно признать за выразителем оппозиции право выражать чьи-то групповые интересы, так как это является своеобразным признанием правомерности притязаний. Интересы сторон являются зачастую примером конфликта с нулевой суммой, поскольку одна сторона стремится к изменению сложившейся структуры взаимоотношений, а другая — к ее сохранению. Слабая сторона, стремясь преодолеть асимметрию силы, часто обращается за помощью к внешней стороне, еще более усложняя конфликтные структуры и интернационализируя конфликт⁴⁷.

4

Рассматривая работы военных аналитиков и ученых, посвященные проблеме асимметричного конфликта, можно выделить как различия, так и совпадения. Ученые стремятся выработать теорию в терминах детерминант, корреляций и переменных. С одной стороны, это заставляет их искусственно сужать проблему до гипотез, верифицируемых посредством имеющихся методик и систем проверок. С другой — ученые выводят проблему асимметричных отношений за рамки военных конфликтов и формируют более широкое, истинно концептуальное понимание сути асимметричных отношений во всем их многообразии. Такое понимание асимметрии способствует принятию этой концепции в области социально-гуманитарного знания подобно тому, как это произошло в естественных науках во второй половине XIX века под влиянием открытий Л. Пастера. Асимметрия больше не рассматривается как аномалия или отклонение от универсальных законов бытия, а напротив, осознается как важная и неотъемлемая характеристика общественных процессов.

Для военных аналитиков проблема асимметричного конфликта подчинена прагматической задаче — понять явление для того, чтобы выбрать правильную стратегию и тактику. Очевидно, что военные за-

интересованы в осмыслении именно вооруженных асимметричных конфликтов, и в меньшей степени в абстрактном теоретизировании по поводу асимметричных отношений. Военным нужны инструментальные определения и операционные модели. Можно привести красноречивый эпиграф к статье американского генерала, командовавшего войсками НАТО в Боснии в 1998 году, Монтгомери Мейгса «Неортодоксальные мысли об асимметричных военных действиях»: «Плохая терминология является врагом хорошего мышления»⁴⁸. Именно эта особенность военной литературы по проблеме асимметричного конфликта вызвала, вероятно, оценку российского ученого Е.А. Степановой о том, что американская литература «излишне милитаризует природу» таких конфликтов в ущерб другим важным составляющим концепции⁴⁹. Однако, если рассматривать асимметричный конфликт как случай вооруженной борьбы между несопоставимыми в силе, ресурсах и статусах противниками, с чего собственно и началась концепция, то военные используют, как правило, холистский подход и опираются на выводы ученых. Более того, некоторые из них покорены «красотой асимметрии», что выражено в названии статьи британского военного⁵⁰.

* * *

Американские офицеры нередко получают ученые степени по международной безопасности и международным отношениям. Так, генерал Дэвид Петреус⁵¹, командовавший многонациональными силами в Ираке в период реализации операции «Большая волна» (Surge) в 2007–2008 годах и с именем которого связывают перелом ситуации, защитил в 1987 г. докторскую диссертацию по международным отношениям в Принстонском университете на тему «Американские вооруженные силы и уроки Вьетнама: Изучение влияния вооруженных сил и использования силы в пост-Вьетнамский период». В статье, написанной по материалам диссертации, он указывал на ограниченную поддержку американским обществом затяжных конфликтов и

на то, что оптимальным сценарием «малой неприятной войны» в случае вынужденного вмешательства США должна быть быстрая силовая операция по достижению поставленных политиками целей и немедленный вывод войск, а также, что политики не должны вмешиваться в детали проведения операций после принятия решения о применении силы и конкретизации ее цели. Петреус указывал на непоследовательность политиков, неясность целей войны, которые они формулируют, невозможность достичь поставленных целей или решить определенный тип проблем военными средствами делает военных заложниками и главными виновниками политических поражений. Он ссылаясь на старую книгу С. Хантингтона «Солдат и государство» (1957) и его замечание о пацифизме военных, которые «склонны считать себя вечной жертвой воинственности гражданских лиц»: «Это общество и политики, общественное мнение и правительство, кто начинает войны. И это военные, кто должен драться в этих войнах». Петреус также привел образное выражение генерала Уильяма Нолтона (W.A. Knowlton) об уроках Вьетнама: «Те, кто заказывают обед, не присутствуют при его выносе официантом»⁵². Петреус является автором статей и разработок по антиповстанческим стратегиям, активно участвует в обсуждении этих проблем на независимых площадках исследовательских центров и в Конгрессе США.

Темы и тексты диссертаций, которые можно найти в открытом доступе на Интернет-порталах высших военных учебных заведений США, свидетельствуют об особом внимании к теме асимметричного конфликта. Знакомство с этими текстами, доктринальными документами, а также выступлениями американских военных специалистов показывает, что современные вооруженные конфликты, в которых принимают участие ВС США, оцениваются как качественно новое явление, особенности которого необходимо учитывать при разработке и реализации военных операций. Использование термина «асимметричный» для анализа конфликтов поз-

воляет выявить суть явления, обращаясь к его качественным характеристикам, которые, в свою очередь, являются следствием количественным несоразмерностей. Обзор применения концепции асимметричного конфликта в американской библиографии доказывает наличие «короткой дистанции» между политическими науками и применением ее достижений в практической сфере в современных США.

Примечания

¹ The President's review and annual report. The Rockefeller foundation. 1974. N.Y., 1974. P. 69.

² Mack A. Why big nations lose small wars: the politics of asymmetric conflict // World Politics. 1975. Vol. 27, №2. P. 175.

³ Ibid. P. 177–179.

⁴ Mack A. Op. cit. P. 188.

⁵ 20 January 2010. Press conference to launch Report on «Shrinking Costs of War». United Nations. Department of Public Information. News and Media Division. New York. URL: http://www.un.org/News/briefings/docs/2010/100120_War.doc.htm

⁶ Cassidy Robert M. Russia in Afghanistan and Chechnya: military strategic culture and the paradoxes of asymmetric conflict. Carlisle Barracks: Strategic Studies Institute, U.S. Army War College, 2003. P. 5.

⁷ Scales Robert H. Adaptive enemies: dealing with the strategic threat after 2010 / Future Warfare. Anthology. Revised edition. Carlisle barracks, PA: U.S. Army War College, 2001. P. 43.

⁸ General Colin L. Powell. A doctrinal statement of selected joint operational concepts. 10 Nov. 1992. P. 11. URL: <http://www.dtic.mil/doctrine/doctrine/research/p146.pdf>

⁹ Joint Doctrine Encyclopedia. Joint Chiefs of Staff. Wash., D.C.: U.S. Government Printing Office, 16 July 1997. P. 59. URL: http://www.fas.org/man/dod-101/dod/docs/encya_b.pdf

¹⁰ Doctrine for Joint Interdiction Operations. 10 April 1997. Joint Publication 3–03. Revised edition with changes in 2007. P. 1–1–1–2. URL: http://www.dtic.mil/doctrine/jel/new_pubs/jp3_03.pdf

¹¹ См.: Ознобищев С.К., Потапов В.Я., Скоков В.В. Как готовился «асимметричный ответ» на «Стратегическую оборонную инициативу» Р.Пейгана. М.: Ленанд, 2008. 56 с.

¹² Cohen William S. Quadrennial Defense Review. May 1997. Wash., D.C.: DOD. Section II. The Global Security Environment. URL: <http://www.fas.org/man/docs/qdr/sec2.html>

¹³ Joint Strategy Review. Chairman of the Joint Chiefs of Staff. Washington, D.C., 1999. P. 2.

¹⁴ Gates Robert. Quadrennial Defense Review. February 2010. Wash., D.C.: DOD. P. 80, 87. URL: <http://www.strategicstudiesinstitute.army.mil/pdffiles/qdr-2010.pdf>

¹⁵ См., например: Strategic Studies Institute, U.S. Army War College. URL: <http://www.strategicstudiesinstitute.army.mil/>

¹⁶ См.: «Parameters», «Military Review», «Join Forces quarterly» etc.

¹⁷ Challenging the United States symmetrically and asymmetrically: can America be defeated? / Ed. by Lloyd J. Matthews. Carlisle Barracks, PA: Strategic Studies Institute, 1998. VII, 343 p.

¹⁸ Metz Steven. Asymmetry and U.S. military strategy: definition, background, and strategic concepts. Carlisle Barracks, PA: Strategic Studies Institute, 2001. P. iii. URL: <http://www.strategicstudiesinstitute.army.mil/pdffiles/PUB223.pdf>

¹⁹ Cassidy Robert M. Russia in Afghanistan and Chechnya: military strategic culture and the paradoxes of asymmetric conflict. P. 5–6; Metz Steven. Strategic asymmetry // Military Review. July–August 2001. Vol. 81. P. 24.

²⁰ Joint Operations. Joint Publication 3–0. 17 Sept. 2006. Incorporating Change 1. 13 Feb. 2008. (JP 3–0 (CH 1). Joint Chiefs of Staff. P. GL–16. URL: http://www.dtic.mil/doctrine/new_pubs/jp3_0.pdf

²¹ Paget J. Counterinsurgency campaigning. L., 1967. P. 176.

²² A nation at war in an era of strategic change / Ed. by Williamson Murray. Carlisle Barracks: Strategic Studies Institute, U.S. Army War College. September 2004. P. 3.

²³ Field Chris. Asymmetric warfare and Australian national asymmetric advantages: taking the fight to the enemy. Working Paper № 136. Land Warfare Studies Centre, Australia. Nov. 2009; Gaza operation investigations: an update. Jan. 2010. Ministry of Foreign Affairs. Israel. URL: <http://www.mfa.gov.il/NR/rdonlyres/8E841A98-1755-413D-A1D2-8B30F64022BE/O/GazaOperationInvestigationsUpdate.pdf>

²⁴ Newman Nicholas J. Asymmetric threats to British military intervention operations. L.: Royal United Services Institute for Defence Studies, 2000. 99 p.

- ²⁵ См. Terrorism and asymmetric conflict in Southwest Asia. June 23–25, 2002. Conference proceedings. RAND's Center for Middle East Public Policy, Geneva Center for Security Policy. Santa Monica, CA: RAND, 2002. 15 p.; War and morality: proceedings of a RUSI conference: 'Morality in asymmetric war and intervention operations' held on 19–20 September 2002: including a new section on the Iraq War and its aftermath / Ed. by Patrick Mileham. L.: Royal United Services Institute for Defence Studies, 2004.
- ²⁶ George Akerlof, Michael Spence and Joseph Stiglitz. They receive the Bank of Sweden Prize in Economic Sciences in Memory of Alfred Nobel, 2001, «for their analyses of markets with asymmetric information». URL: http://nobelprize.org/nobel_prizes/economics/laureates/2001/public.html
- ²⁷ Symmetry and asymmetry / Ed. by Jürgen Mittelstrass. Cambridge; N.Y.: Cambridge University Press, 2005; The age of asymmetry and paradox. Essays in comparative economics and sociology / Ed. by George Andreola, Anthony Dunning. L.: Athena, 2007; Womack Brantly. China and Vietnam: the politics of asymmetry. Cambridge, N.Y.: Cambridge University Press, 2006. 281 p.; Witherspoon Gary, Peterson Glen. Dynamic symmetry and holistic asymmetry in Navajo and Western art and cosmology. N.Y.: P. Lang, 1995. 191 p.
- ²⁸ Sexual asymmetry: studies in ancient society / Ed. by Josine Blok, Peter Mason. Amsterdam: J.C. Gieben, 1987. 298 p.
- ²⁹ Paul T.V. Asymmetric conflicts. War initiation by weaker powers. Cambridge, N.Y.: Cambridge University Press, 1994. P. 12, 16, 20, 23–35.
- ³⁰ Ibid., P. 168–170, 174.
- ³¹ Paul T.V. Why has the India–Pakistan rivalry been so enduring? Power asymmetry and an intractable conflict // Security Studies. October/December 2006. Vol. 15, №4. P. 600–630; Idem. The India–Pakistan conflict: an enduring rivalry. Cambridge, N.Y.: Cambridge University Press, 2005.
- ³² Fischerkeller Michael P. David versus Goliath: Cultural judgments in asymmetric wars // Security studies. 1998. Vol. 7, №4. P. 3.
- ³³ Ibid., P. 10–13.
- ³⁴ Ibid., P.43.
- ³⁵ Merom Gil. How democracies lose small wars: state, society, and the failure of France in Algeria, Israel in Lebanon, and the United States in Vietnam. Cambridge, N.Y.: Cambridge University Press, 2003. P. 3.
- ³⁶ Ibid., P. 229–231.
- ³⁷ Prados John. Vietnam: The history of an unwinnable war, 1945–1975. Lawrence, KS: University Press of Kansas, 2009. 666 p.
- ³⁸ Arreguin–Toft Ivan. How the weak win wars: A theory of asymmetric conflict // International security. 2001. Vol. 26, № 1. P. 93–128; Idem. Cambridge; N.Y.: Cambridge University press, 2005. 250 p.
- ³⁹ Arreguin–Toft Ivan. 2005. P. 31.
- ⁴⁰ Ibid., P. 18, 3–4.
- ⁴¹ Ibid., P. 222–223.
- ⁴² Lowther Adam B. Americans and asymmetric conflict: Lebanon, Somalia, and Afghanistan. Westport, L.: Praeger Security International, 2007. P. 14–51.
- ⁴³ Ibid., P. 6.
- ⁴⁴ Ibid., P. 143.
- ⁴⁵ Ibid., P. 135–137.
- ⁴⁶ Taliban and Afghan government held secret talks in the Maldives: report // The Nation. Feb. 18, 2010. URL: <http://www.nation.com.pk/pakistan-news-newspaper-daily-english-online/International/18-Feb-2010/Taliban-and-Afghan-Government-held-secret-talks-in-the-Maldives-report>
- ⁴⁷ Elusive peace: negotiating an end to civil war / Ed. By William Zartman. Wash., D.C.: The Brookings institution, 1995. P. 7–11.
- ⁴⁸ Meigs Montgomery C. Unorthodox thoughts about asymmetric warfare // Parameters. 2003. Summer. P. 4–18.
- ⁴⁹ Stepanova E. Terrorism in asymmetrical conflict: ideological and structural aspects. SIPRI Research Report № 23. Oxford: Oxford University Press, 2008. P. 15–23.
- ⁵⁰ Eaton J.G. The beauty of asymmetry: An examination of the context and practice of asymmetric and unconventional warfare from western/centrist perspective // Defence Studies. 2002. Vol. 2, № 1, P. 51–82.
- ⁵¹ Сейчас генерал Д. Петреус возглавляет Центральное командование ВС США. Биографическая справка на Интернет–портале ЦентКом. URL: <http://www.centcom.mil/en/about-centcom/leadership/>
- ⁵² Petraeus David H. Lessons of history and lessons of Vietnam // Parameters. 1986. Vol. 16, №3. P. 45.